

ДОБРОТООЛЮБІЕ

ТОМ
ТРЕТІЙ

Святитель Макарий Коринфский

Добротолюбие. Том III

Серия «Добротолюбие. В 5 томах», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=436525

*Добротолюбие: дополненное. В 5 тт. / В русском переводе святителя
Феофана, Затворника Вышенского. Том III.: Сибирская Благовонница;*

Москва; 2010

ISBN 978-5-91362-303-4

Аннотация

Сборник аскетических творений отцов IV–XV вв., составленный святителем Макарием, митрополитом Коринфским (1731–1805) и отредактированный преподобным Никодимом Святогорцем (1749–1809), впервые был издан на греческом языке в 1782 г.

Греческое слово «Добротолюбие» («Филокалия») означает: любовь к прекрасному, возвышенному, доброму, любовь к красоте, красотолюбие. Красота имеется в виду духовная, которой приобщается христианин в результате следования наставлениям отцов-подвижников, собранным в этом сборнике. Полностью название сборника звучало как «Добротолюбие священных трезвомудрцев, собранное из святых и богоносных

отцов наших, в котором, через деятельную и созерцательную нравственную философию, ум очищается, просвещается и совершенствуется».

На славянский язык греческое «Добролюбие» было переведено преподобным Паисием Величковским, а позднее большую работу по переводу сборника на разговорный русский язык осуществил святитель Феофан Затворник (в миру Георгий Васильевич Говоров, 1815–1894).

Настоящее издание осуществлено по изданию 1905 г. «иждивением Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря».

В третий том «Добролюбия» вошли переводы творений святых отцов: Диадокха Фотикийского, Иоанна Карпафского, Зосимы Палестийского, Максима Исповедника, аввы Фалассия, Феодора Едесского, преп. Феодора, аввы Филимона, преп. Феогноста, Филофея Синайского, Илии пресвитера и Екдика.

По благословию митрополита Ташкентского и Среднеазиатского ВЛАДИМИРА

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви

Содержание

Блаженный Диадокх, епископ Фотики в Эпире Иллирийском	14
Краткое сведение о блаженном Диадокхе	14
Блаженного Диадокха, епископа Фотики указание последних пределов или верха совершенства главнейших добродетелей	17
Того же блаженного Диадокха, епископа Фотики, что в древнем Эпире Иллирийском, подвижническое слово, разделенное на сто глав деательных, исполненных ведения и рассуждения духовного	18
1. О трех добродетелях, которые, как вожди, должны предшествовать духовному созерцанию ума[1]	18
2. Когда и как человек делается добрым	19
3. Когда и как зачинается грех	19
4. Когда и как достигаем мы того, чтоб быть по подобию Божию	20
5. Как сделать, чтобы воля только на добро была всегда готова	20
6. Что есть свет истинного ведения, и что производит в уме пользование сим светом	21
7. О том, что производит духовное слово, —	21

и о том, что движение любви беседу о Боге
делает легкою и обильною

8. Когда подобает приступать к беседе о
божественных вещах 22

9. О даре ведения и даре премудрости,
как каждый из них просвещает, и как
приобретается 23

10. Когда душа в борьбе, молчать
должно; а когда успокоится, тогда
простирать беседу, обуздывая однако ж ум
смиренномудрием 24

11. Слово духовное не ведет к тщеславию, а
слово мирской мудрости – ведет. от чего то
и другое? 24

12. О самолюбии и боголюбии, – и
что свойственно себялюбивому и
боголюбивому 25

13. Когда и от чего бывает, что иной
кажется себе нелюбящим Бога, как бы
желал, в то время как очень сильно любит
Его 26

14. О том, кто в чувстве сердца любит Бога,
и как он, совершенно отрешаясь от любви
к себе, приходит в восхищенную любовь к
Богу 27

15. Когда начинает кто любить ближнего, и 28

почему любовь плотская скоро истощается,
а любовь духовная – никогда

16. О любви к Богу в чувстве сердца, как она приобретается; также о совершенной любви, чуждой очистительного страха Божия, и о другой любви несовершенной, соединенной с очистительным страхом 29
17. Как душа больная начинает исцеляться действием страха божия, и как мало-помалу доводится до совершенного здравия любовью 30
18. Душа, попечениями мирскими опутанная, не может любить Бога и даже правильно судить о своем положении 31
19. Что свойственно чистой душе 31
20. Необходимо с верою соединять дела, и с делами веру 32
21. Какова вера без дел, и какова, любовью действующая 32
22. Не следует любопытно исследовать глубину веры 33
23. Когда душа не может чувством сердца или вкусом ощущать вонии благ Небесных, хотя бы и сильно того желала 33
24. О двояком чувстве телесном и духовном, и как надлежит возбуждать 34

духовное чувство ко вкушению Небесного

25. Чувство душевное в действовании 35

своем было едино в состоянии невинности;
грехопадением оно раздвоилось, а
благодать святого духа опять возводит его в
простоту единства

26. Надобно блюсти ум несмущенным, чтоб 36
различать верно помыслы, от Бога ли они,
или от диавола

27. Почему мало вполне знающих падения 36
свои, и что нужно для достижения сего

28. Как Святой Дух очищает душу, и что 37
должны мы делать для сего

29. О единости чувства душевного прежде 38
греха и разделении его по причине
греха, – и о том, когда желание неразумное
соединяется и бывает согласно с разумным

30. Когда и как чувством ума различаются 39
истинные утешения от ложных

31. О ложном утешении сатаны, 40
напускаемом во время упокоения сном, и
как ум рассеивает его теплым призыванием
имени Иисуса и самого сатану обращает в
бегство

32. О добром утешении души, в 41
бодрственном ли состоянии или во время

успокоения сном бывающем, и как сатана
покушается во время сна прельстить душу
ложным утешением

33. Как радость о Духе Святом 42

распознается от лживой бесовской, и когда
диавол приступает к обольщению лживым
утешением

34. О двоякой любви – естественной и 43
духовной (благодатной) и об отличиях
каждой

35. О благодати Божией, как она одна 44
умиряет волненьные движения души

36. Как и когда душа может ощутить 45
славу Божию; и о лживости диавола,
показывающего иногда свет, или нечто
похожее на свет

37. О снах, Богом посылаемых, и диаволом 46
навеваемых и о разности их

38. О добродетели неверования никаким 47
снам

39. Пример в доказательство того, что 48
Бог никому не ставит в вину неверия
посылаемым от него снам

40. О видении душою духовного в себе 48
света, о светах вражеских и о том, как
сделать, чтоб, живя в мире, быть чужду

мира

41. О послушании, – что оно есть 49
величайшая из добродетелей, есть
дверь любви и предводительница всех
добродетелей
42. О том, что воздержание должно 50
держаться во всем, чтоб не одни телесные
стяжать добродетели, но и те, кои очищают
внутреннего человека
43. О пользе и образе хранения 51
воздержания в пище
44. Как сделать, чтоб легко было 52
отказываться от сласти яств и других
удовольствий
45. Об изгнании излишнего воздержания, 52
чтоб тело оставалось крепким для подвигов
духовных
46. Об умалении обычной строгости 53
воздержания по случаю прихода братьев
или других странников
47. О посте и других телесных 53
добродетелях, – что они одни без
сердечного благонастроения не имеют цены
пред Богом
48. О пользе умеренности в питии для 54
духовного в душе плодоношения

49. О неумеренности в питии, как она вызывает срамные похотения	54
50. Об избегании употребления раздражающих аппетит напитков, искусственно приготовляемых	55
51. Чему хотел научить Господь, прияв на Кресте оцта из губки, надетой на трость	56
52. Духовным не следует ходить в баню; и почему	56
53. Почему в киновиях надо приглашать врача для излечения болезни; и что в таких случаях должно делать живущим уединенно в пустыни	57
54. Что показывает малодушие в болезнях, и что – благодушие	58
55. Что потребно, чтобы душа не услаждалась благами сего мира, а паче желала разрешиться от тела	59
56. Как немирное пользование телесными чувствами затрудняет памятование о божестве и заповедях его, и как избежать сего зла	60
57. Как бывает, что ходящий духом не ведает вожделений плотских, и диавол тщетно искушает его чистоту	61
58. Об унынии, нападающем иногда по отгнании похотений плотских, – каково оно	61

и как его прогонять

59. Коль велика помощь в духовном 62
подвиге от непрестанного теплого
поминания имени иисусова во глубине
сердца
60. О двоякой радости, – начальной и 63
совершенной, и о слезах средних между
ними
61. О забвении Бога и восстановлении 64
памятования о Нем, о причинах первого,
и средствах ко второму, и о высшем его
проявлении
62. О гневе, – когда и как можно допускать 65
его
63. Совершенному в духовной жизни не 67
подобает судиться
64. Лучше предав терпимую неправду 68
Суду Божию, внимать молитве и хранению
сердца, чем судиться
65. Продай все и раздай бедным; к сему 69
паче всего располагает смирение
66. Все раздать – путь к смирению 70
67. О даре богословствования, – сколько и 71
какие блага от него происходят
68. Почему ум наш не так скор на молитву, 72
как на богословское созерцание: и сколь

необходима молитва для преуспевания в
таком созерцании

69. Благодать вначале ощутительнейше 74
действует на душу, а потом сокращает свое
действие и даже совсем сокращает. Как это
благотворно для души
70. Коль душевредно многословие и 75
благотворно молчание
71. Как подобает боголюбивой душе 75
управлять чувством правды
72. Ум – богослов и ум – знатель 76
73. О молитве гласной и в одном сердце 77
творимой
74. О естественном и благодатном 78
Боголюбии
75. О светоносном воздействии на душу 79
благодати, – и об омрачении ее под
действием темных сил
76. Как действует в душе Дух истины и дух 80
прелести прежде крещения и по крещении
77. Образ действия благодати Божией в 81
душе
78. Чрез крещение Святой Дух вселяется в 82
сердце, а дух злой извергается; но этим не
вконец пресекаются покушения на грех
79. Благодать действует чрез чувство ума, а 83

сатана чрез плотские чувства и влечения
Конец ознакомительного фрагмента.

Святитель Макарий Коринфский Добротолюбие. Том III

**Блаженный Диадокх, епископ
Фотики в Эпире Илирийском**

Краткое сведение о блаженном Диадохе

О происхождении и ранней жизни св. Диадокха до епископства ничего неизвестно. На епископстве же он славился и жизнью святою, и учением премудрым. Виктор, епископ Утики, что в Африке, в предисловии к своей Истории о мучительствах Вандалов (??§?? Ра1го1. Ба1.?. 58), писанной им ок. 490 г., называя себя учеником его, в честь себя ставит такое название и прибавляет, что «Сей блаженный Диадокх достоин быть превознесенным всякими похвалами, так как он оставил весьма много памятников православного учения о догматах и жизни христианской.» – Почему надо заключить, что он процветал во второй половине 5-го века, и мо-

жет быть, не много не дожил до конца его, как можно догадываться из того, что в послании Эпирских епископов к Императору Льву (457–473) значится и его подпись. Другие обстоятельства его жизни неизвестны.

Из его писаний доныне известны: а) два слова, – одно на Вознесение Господне, с изложением православного учения о воплощении Бога Слова, другое – против Ариан; б) 100 глав подвижнических о жизни духовной, с 10-ю предшествующими указаниями последних пределов совершенства главнейших добродетелей.

Из сих писаний его приводит свидетельства Софроний, Патриарх Иерусалимский, в своем окружном послании против монофелитов (Библия. П. Фотия – чт. 231); не раз ссыался на него и прп. Максим Исповедник.

О подвижнических его главах, которые мы берем в свой сборник, блаженный Фотий отзывался так: «слово сие (т. е. 100 глав) премного полезно подвижающимся, и для тех, которые долгим упражнением приобрели навык в деланиях, ведущих к совершенству, не представляет ничего неясного; потому что в таком случае знание, опытом приобретенное, легко нападает на след учения, предлагаемого словом». Собиратели же греческого Добротолюбия в предисловии к сему слову говорят: «что св. Отец наш Диадокх был муж, мудрый в деянии и светлый в созерцании, это всякому желающему можно узнать из дошедшего до нас в сохранности слова сего, которое он прекрасно составил, почерпая духовную

мудрость из долговременного опыта своего и из божественных восхождений сердца своего. Разделив его на сто глав, он со всем тщанием раскрывает в них самые глубочайшие тайны желанной добродетели, преисполняя их притом частыми свидетельствами Божественного Писания и созерцаниями просвещенного верою разума. Можно сказать, что в сем слове он оставил для всех, следовавших за ним трезвенников и богоносных отцов, образцовое учение о священном трезвении совместно со всеми добродетелями. Почему найдешь, что очень многие из них обращаются к сим главам, как к самым верным указателям истины, и приводят из них дословные свидетельства в своих писаниях о трезвении. Так делали после бывшего при Андронике Палеологе Собора Григорий и Симеон Солунские, Григорий Синаит, святейший Каллист и многие другие, свидетельствуя тем о безукоризненности его учения.

Св. Церковь чтит память св. Диадоба, вместе со всеми святыми, просиявшими подвижнически, в сырную субботу. На службе в сей день во 2-й песни поется: «пою и Диадоба, купно с Евстафием и Ювеналием отцев верховными».

Блаженного Диадоха, епископа Фотики указание последних пределов или верха совершенства главнейших добродетелей

- 1) Предел, или верх совершенства веры, есть бесстрастное погружение ума в Бога.
- 2) Предел упования – преселение ума к чаемым благам.
- 3) Предел терпения – невидимого яко видимого зря умными очами, неуклонно стоять в терпении.
- 4) Предел нестяжательности – так желать не иметь, как иной желает иметь.
- 5) Предел разумения – не ведать себя в исступлении (или всецелом устремлении) к Богу.
- 6) Предел смиренномудрия – решительное забвение своих добрых дел.
- 7) Предел безгневия – великое желание не гневаться.
- 8) Предел чистоты – чувство, непрестанно прилепленное к Богу.
- 9) Предел любви – умножение дружеского расположения к тем, которые оскорбляют и поносят.
- 10) Предел совершенного изменения в сладостном вкушении Бога – вменять в радость прискорбность смерти.

**Того же блаженного Диадокха,
епископа Фотики, что в
древнем Эпире Иллирийском,
подвижническое слово, разделенное
на сто глав деятельных, исполненных
ведения и рассуждения духовного**

**1. О трех добродетелях, которые,
как вожди, должны предшествовать
духовному созерцанию ума¹**

Духовным созерцанием, братие, да предводительствуют вера, надежда и любовь – и наипаче любовь; ибо те (две – вера и надежда) научают только презирать видимые блага, а любовь самую душу чрез добродетели сочетавает с Богом, умным чувством постигая Невидимого.

---

¹ Этих оглавлений нет в греческом. Их придумал латинский переводчик. Полагая, что они немало будут способствовать к уразумению и запоминанию премудрого учения св. Диадокха, заимствуем их у него (Patrol. graecae Migne, t. 65).

2. Когда и как человек делается добрым

По естеству благ Един Бог. Но и человек бывает благим чрез ревностное тщание о благих нравах, будучи изменяем в то, чем не есть по естеству, Тем, Кто существенно благ, когда душа чрез ревностное тщание о добре настолько соделается сущою в Боге, насколько она по силе своей возжелает того и деятельно взыщет; ибо сказано: *будьте благи и милосерды, как и Отец ваш, Который на Небесах* (Лк. 6, 36; Мф. 5, 48).

3. Когда и как зачинается грех

Зла нет в естестве, и нет никого, злого по естеству: ибо Бог не сотворил ничего злого. Но когда кто с похотением сердечным вносит в себя образ зла, тогда оно, несмотря на то, что не есть в естестве, начинает быть, в таком виде, как возжелал сего тот, кто так делает. Почему должно, со всем тщанием непрестанно памятуя о Боге, не внимать обычным позовам на зло; ибо добро, сущее в естестве, могущественнее зла, прибывающего в естество совне чрез навик, — так как то есть, а этого нет, — разве только когда содевается.

4. Когда и как достигаем мы того, чтоб быть по подобию Божию

Все мы люди по образу Божию есмы²; быть же по подобию Божию есть принадлежность одних тех, которые по великой любви свободу свою поработили Богу. Ибо когда мы не бываем своими самим себе, отвергаемся себя, тогда бываем подобны Тому, Кто по любви Своей примирил нас с Собою; — чего никто не может достигнуть, если не убедит души своей не увлекаться прелестями жизни самодовольной и самоугодливой.

5. Как сделать, чтобы воля только на добро была всегда готова

Самовластие есть произволение разумной души, с готовностью устремляющееся к чему ни захочет. Таковое произволение мы будем иметь готовым на одно толко добро, если всегда благими помышлениями будем истреблять всякий злой помысл.

---

² В славянском переводе прибавка есть: «умным души движением». Верно, такое встречено чтение.

6. Что есть свет истинного ведения, и что производит в уме пользование сим светом

Свет истинного ведения есть – непогрешительно различать добро от зла. И тогда (когда т. е. такое различение есть и по нему устрояется самая жизнь) путь правый, возводя ум к Солнцу правды, Богу, вводит его в беспредельное оное мысленное просвещение, – как с дерзновением (верою и упованием) взыскавшего наконец единой любви. То, что праведно, должно исхищать из рук поносящих то и попирающих, с безгневным воодушевлением; потому что ревность по благочестию одерживает победу не ненавидением (гневным), а обличением и убеждением (любовным).

7. О том, что производит духовное слово, – и о том, что движение любви беседу о Боге делает легкою и обильною

Духовное слово вносит удовлетворительное убеждение в умное чувство; потому что оно (слово) действием любви исходит от Бога. Почему тогда ум наш без труда и тяжести движется в волнах богословствования, не терпя прискорбной и озабочивающей скудости светлых помышлений. В этом со-

стоянии он свободно носится в многообъятных созерцаниях, сколько желает того действо любви. Доброе убо дело есть — для беседы о Боге всегда с верою ожидать возбудимого любовью умного просвещения; ибо ничего нет скуднее ума, когда он без Бога берется любомудрствовать о Боге.

8. Когда подобает приступать к беседе о божественных вещах

Как тому, кто не просвещен в духе, не должно касаться духовных созерцаний, так и тому, кто богато осиявается благодатию Святого Духа, не подобает приступать к беседе о них: ибо там скудость светлых помышлений облекает ум мраком неведения, а здесь обилие их не дает говорить, так как в эту пору душа, упиваясь любовью Божиею, желает безмолвно наслаждаться славою Господа. Итак к богоглаголевым словесам (к беседе о Боге) надлежит приступать тогда, когда замечается средняя мерность в возбуждении духовном; ибо такая мера доставляет душе некий образ преславных словес (точно и ясно изображающих невидимые духовные предметы), между тем как в то же время возжеленное осияние духовное питает веру говорящего в вере, чтоб учащий первым вкусил от плода ведения, истощаемого любовью. *Трудящемуся делателю прежде подобает от плода вкусити* (2 Тим. 2, 6).

9. О даре ведения и даре премудрости, как каждый из них просвещает, и как приобретается

Единого Духа Святого есть дар и премудрость и ведение, как и все божественные дарования; но каждый и из сих даров, как и из всех других, свое особое имеет действо (энергию). Почему Апостол и свидетельствует, что иному дается премудрость, а иному ведение (1 Кор. 12, 8). Ведение опытно (ощутительно) сочетавает душу с Богом, на беседование же о сем и других вещах духовных не подвигает души; почему некоторые из любомудро проходящих уединенническую жизнь хотя просвещаются в чувстве ведением, но к словесам о вещах божественных не приступают. Премудрость же, если она дается кому вместе с ведением страха ради Божия (что редко бывает), с любовью раскрывает самые внутренние воздействия (энергии) ведения; поелику то (ведение) обычно просвещает воздействием внутренним, а эта (премудрость) словом. Достигаются же они так: ведение приносят молитва и великое безмолвие при совершенном беспопечении; а премудрость – нетщеславное изучение словес Духа, наипаче же – благодать всеподающего Бога.

10. Когда душа в борьбе, молчать должно; а когда успокоится, тогда простирает беседу, обуздывая однако ж ум смиренномудрием

Когда душа гневом подвигается против страстей, ведать надлежит, что тогда время молчать, ибо то есть час брани. Когда же увидит кто, что это возмущение молитвою ли или милостынею улеглось, тогда пусть уступает влечению любви к изречению божественных словес, сдерживая однако ж крылья ума узами смирения; ибо если кто не смирит себя крайне самоуничижением, то не может достойно разглагольствовать о величии Божиим.

11. Слово духовное не ведет к тщеславию, а слово мирской мудрости – ведет. от чего то и другое?

Слово духовное хранит душу нетщеславною; ибо, исполняя все части ее ощущением богатства света духовного, делает то, что душа никакой не имеет потребности в чести людской. Почему оно и ум соблюдает всегда немечтательным, изменяя (погружая) его весь в любовь Божию. Слово же мудрости мирской всегда призывает человека к славолюбию;

потому что оно не имеет возможности дать чувству опытно ощутить благо от себя (которое насыщало бы сердце) и взамен того дарит своим питомцам любовь к похвалам людским, будучи и само изобретением людей тщеславных. Такое свойство духовного Слова Божия мы и сами непогрешительно познаем, если часы, в которые не имеем нужды говорить, будем проводить в теплой памяти Божией при беспопечительном молчании.

12. О самолюбии и боголюбии, – и что свойственно себялюбивому и боголюбивому

Кто себя любит, тот Бога любит не может; а кто себя не любит по причине преизобильного богатства любви Божией, тот только воистину и Бога любит. Таковой никогда уже не ищет славы своей, но всегда – одной славы Божией. Ибо как себялюбивый естественно ищет своей славы; так боголюбивый естественно ищет и любит славу Создателя своего. Душе боголюбивой, чувства Божия исполненной, свойственно в исполнении всех творимых ею заповедей искать единой славы Божией, относительно же себя – услаждаться смирением. Ибо Богу ради величия Его подобает слава, а человеку – смирение, чтоб чрез него соделоваться нам своими Богу: что если хотим творить и мы, то, по примеру св. Иоанна Крестителя, радуясь о славе Господа, станем непрестанно гово-

ритель: *Оному подобает расти, а нам малитися* (Ин. 3, 30).

13. Когда и от чего бывает, что иной кажется себе нелюбящим Бога, как бы желал, в то время как очень сильно любит Его

Видел я некоего, который все печалился и плакал, что не любит Бога, как бы желал, тогда как так любил Его, что непрестанное носил в душе своей пламенное желание, чтобы один Бог славился в нем, сам же он был как ничто. Таковой не ведает, что такое он есть, и самыми похвалами, ему изрекаемыми, не услаждается. Ибо в великом вожделении смирения он не понимает своего достоинства, но служа Богу, как закон повелевает иереям, сильным неким расположением к боголюбию окрадает память о своем достоинстве, негде во глубине любви к Богу укрывая присущее тому похваление в духе смирения, чтоб в помышлении своем всегда казаться пред собою неким неключимым рабом, как совершенно чуждому требуемого от него достоинства, по сильному вожделению смирения. Так действуя, и нам надлежит бегать всякой чести и славы ради приизобильного богатства любви к Господу, столько нас возлюбившему.

14. О том, кто в чувстве сердца любит Бога, и как он, совершенно отрешаясь от любви к себе, приходит в восхищенную любовь к Богу

Кто любит Бога в чувстве сердца, тот познан есть от Него. Ибо поколику кто в чувстве сердца восприимлет любовь к Богу, потолику и сам пребывает в любви Божией. Почему таковой не перестает в сильном некоем рвении возделывать просвещения в разуме и стремится к нему с таким напряжением, что иной раз чувствует совершенное истощание самой силы костей своих, делаясь уже незнающим себя, но весь изменен и поглощен бывая любовью к Богу. Кто таков, тот и есть в животе сем, и не есть; так как еще странствуя в теле своем, душевным движением в силу любви непрестанно отходит он к Богу – и странно приемлется у Него. Ибо непрестанно горя в сердце неистощимым огнем любви, он по необходимости сердечно прилепленным пребывает к Богу, совершенно отрешившись от любления себя силою сей к Богу любви. *Аще бо, говорит, изумихомся, Богови: аще ли целомудрствуем, вам* (2 Кор. 5, 13).

15. Когда начинает кто любить ближнего, и почему любовь плотская скоро истощается, а любовь духовная – никогда

Когда кто начнет богато ощущать любовь к Богу, тогда в чувстве духовном начинает он и ближнего любить, и начавши, не престаёт: такова любовь, о коей говорят все Святые Писания. Любовь плотская, не будучи связана духовным чувством, как только представится какой даже незначительный повод, очень легко испаряется. Любовь же духовная не такова: но, хотя случится потерпеть какое огорчение, в душе боголюбивой, состоящей под воздействием Божиим, союз любви не пресекается: ибо возгревши себя теплотою любви к Богу, она тотчас возвращается к благому настроению и с великою радостью восприимлет любовь к ближнему, хотя бы и не малое от него получено было оскорбление, или понесен большой вред; потому что тогда сладостию Божиею совершенно поглощается горечь разлада.

16. О любви к Богу в чувстве сердца, как она приобретается; также о совершенной любви, чуждой очистительного страха Божия, и о другой любви несовершенной, соединенной с очистительным страхом

Никто не может возлюбить Бога от всего сердца, не возгрев прежде в чувстве сердца страха Божия; ибо душа в действительную любовь приходит после того уже, как очистится и умягчится действием страха Божия. В страх же Божий, со сказанным плодом от него, никто не может прийти, если не станет вне всех житейских попечений; ибо только тогда как ум успокоится в полном безмолвии и беспопечении, начинает спасительно воздействовать на него страх Божий, в сильном чувстве очищая его от всякой земной дебелости, чтоб таким образом возвести его в полную любовь ко всеблагому Богу. Так что страх есть принадлежность праведных,

только еще очищаемых, в коих качествует средняя мера любви, а совершенная любовь есть принадлежность уже очищенных, в коих нет страха, так как *совершенная любовь вон изгоняет страх* (1 Ин. 4, 18). То же и другое бывает только у праведных, действием Духа Святого проходящих добродетели. Почему и Писание, где говорит: *бойтесь Бога, вси*

святии Его (33, 10), а где: *возлюбите Господа, вси преподобнии Его* (Пс. 30, 24), – давая нам ясно уразуметь, что страх Божий свойствен только еще очищающимся праведникам с среднею, как сказано, мерою любви, праведникам же очистившимся свойственна совершенная любовь; и в них не бывает уже никакого страшливого помышления, а пребывает одно непрестанное горение и прилепление души к Богу, действием Духа Святого, как говорит пророк: *прильпе душа моя по Тебе, мене же прият десница Твоя* (Пс. 62, 9).

17. Как душа больная начинает исцеляться действием страха божия, и как мало-помалу доводится до совершенного здоровья любовью

Как раны, случающиеся в теле, если не прочистить их и не приготовить, как должно, не чувствуют прилагаемых к ним врачами лекарств; а когда очищены бывают, чувствуют действие лекарств и чрез то приходят в совершенное исцеление: так и душа, пока остается нерадивою и покрыта бывает проказою сластолюбия, страха Божия чувствовать не может, хотя бы кто непрестанно толковал ей о страшном и неумытном судилище Божиим; а когда начнет действием полного к себе внимания очищаться, тогда начинает чувствовать, как живительное никое врачевство, страх Божий, пережигающий

ее, как в огне некоем, действием обличений, и таким образом мало-помалу очищаясь, достигает наконец совершенного очищения. При сем в ней сколько прилагается любви, столько же умалается страх, пока придет в совершенную любовь, в коей, как сказано, нет страха, но совершенное бесстрашие, действием славы Божией производимое. Буди же нам в похвалу похвал непрестанную, во-первых, страх Божий, а наконец, любовь, — полнота закона совершенства во Христе.

18. Душа, попечениями мирскими опутанная, не может любить Бога и даже правильно судить о своем положении

Душа, не освободившись от мирских забот, ни Бога не возлюбит искренно, ни диаволом не возмерзит, как достойно. Попечение о животе сем лежит на ней как тяжелое покрывало, и ум ее не может установить в себе своего о сем судилища, чтоб у себя самого ощутительно слышать безошибочные приговоры суда (совести). Почему всячески потребно удаление от мира.

19. Что свойственно чистой душе

Душе чистой свойственны слово независтное, рвение незлобивое и рачение о славе Господа непрестающее. Тогда

(когда душа чиста) и ум верно устанавливает свои чаши (как устанавливаются на весах чаши весовые), и трезвенным пребывает в своем о всем суждении, как на чистейшем и неподкупном судилище.

20. Необходимо с верою соединять дела, и с делами веру

Вера без дел, и дела без веры одинаково не могут быть одобрены. Верующему, чтоб доказать свою веру, должно приносить Господу дела. И отцу нашему Аврааму вера не была бы вменена в правду, если б он не привел плода ее — сына своего на жертву Богу.

21. Какова вера без дел, и какова, любовью действующая

Любящий Бога и верует искренно, и дела веры совершает преподобно. Верующий же только, а не пребывающий в любви и самой той веры, которую кажется имеющим, не имеет. Он верует с некою легкотою ума, не нося в себе действенного (устанавливающего его на едином) отвеса преславной любви. Только *вера, любовью действующая* (Гал. 5, 6), есть великая главизна добродетелей.

22. Не следует любопытно исследовать глубину веры

Исследующий глубину веры обуреваются волнами помышлений; а созерцающий ее в престоисердечном расположении наслаждается сладостною внутреннею тишиною.

Глубина веры, будучи водою забвения, не терпит, чтоб в нее смотрели или ее узревали любопытными помышлениями. Будем же в простоте ума плыть по водам сим, чтоб таким образом dospеть в пристань воли Божией.

23. Когда душа не может чувством сердца или вкусом ощущать вони благ Небесных, хотя бы и сильно того желала

Никто не может искренно любить или веровать иначе, как если он не имеет себя самого осудителем себя. Ибо когда совесть наша тревожима бывает своими обличениями, тогда уму не попускается чувствовать благоухания премирных благ, но он тотчас же раздвояется сомнением: в силу предшествовавших опытов веры теплым движением вожденно устремляется он к ним, но уже не может любовно воспринять их в чувстве сердца по причине, как я сказал, частых угрызений обличающей совести. Впрочем, если мы очистим се-

бя теплейшею молитвою и вниманием, то опять улучим сие
вожделенное благо, еще с большим опытным в Боге вкуше-
нием его.

24. О двояком чувстве телесном и духовном, и как надлежит возбуждать духовное чувство ко вкушению Небесного

Как к видимым нам благам невольно некакo влекут нас
телесные чувства: так к благам невидимым обыкновенно ру-
ководит нас чувство умное – духовное, когда вкусит бо-
жественной благодати. Все вожделевает сродного себе: ду-
ша, как бестелесная, – Небесных благ, а тело, как персть
от земли, – земных сластей. Итак в состояние опытно вку-
шать невещественное незаблудно достигнем мы, если труда-
ми утончим черствое тело свое.

25. Чувство душевное в действовании своем было едино в состоянии невинности; грехопадением оно раздвоилось, а благодать святого духа опять возводит его в простоту единства

Что чувство естественное одно, сему научает нас самое действо (энергия) святого ведения (просвещенный благодатию разум). Преступлением Адамовым оно разделилось на два действия (энергии); но Святым Духом оно опять соделовалось единым и простым. Этого однако ж никто не может увидеть в себе, кроме тех одних, которые, в чаянии будущих благ, охотно отрешаются от благ жизни сей и воздержанием иссушают всякое вожделение телесных чувств. Ибо только в таковых ум, по причине полного беспопечения, здраво и бодренно совершая свои движения, может чувством неизреченно вкушать божественную благодать, и в то же время по мере своего преспеяния сообщать свои радости и телу, безмерным неким словом в любви изваявая свое обрадование исповеданием, говоря: *на Того упова сердце мое, и поможет ми: и процветет плоть моя, и волею исповемся Ему* (Пс. 27, 7). Таковое обрадование, бывающее в сем случае в душе и теле, есть нелестное напоминание о вечно нетленном житии.

26. Надобно блюсти ум несмущенным, чтоб различать верно помыслы, от Бога ли они, или от диавола

Подвизающимся надобно всегда соблюдать мысль свою неволнующеюся, чтобы ум верно мог различать набегающие помыслы, и различая, добрые и богопосланные влагал в сокровищницу памяти, а непотребные и демонские извергал вон из влагалищ естества. И море, когда стоит покойно, бывает видно для рыболовов до самых последних глубин своих, так что тогда не укрывается от них ни одна почти из движущихся там живых тварей; когда же оно взволновывается ветрами, тогда скрывает в непроницаемой мутности своей то, что во время приятной тишины щедро давало видеть; от чего в ту пору искусство рыболовной хитрости устрояющих остается без дела. Это же случается претерпевать и созерцательному уму, особенно когда глубина души возмущается гневом неправедным.

27. Почему мало вполне знающих падения свои, и что нужно для достижения сего

Очень немного таких, которые точно знают все свои паде-

ния и которых ум никогда не отторгается от памятования о Боге. Как телесные наши очи, когда здоровы, могут все хорошо видеть до малейших комарей и мушек, летающих в воздухе; а когда бывают запорошены или влажным чем покрыты, тогда что велико и всегда им встречается, то видят, хоть слабо, а что мало, того совсем не ощущают чувством зрения: так и душа, когда вниманием к себе прогонит омрачение, случающееся с нею от миролюбия, тогда и малые свои падения почитая очень великими, слезы к слезам прилагает с великим благодарением, сокрушаясь о том, – как сказано: *праведнии исповедаются имени Твоему* (Пс. 139, 14); а когда одержима бывает миролюбивым расположением, тогда если совершит убийство, или другое что достойное наказания, чувствует еще немного, других же падений никаких и заметить не может, даже нередко почитает их за добродетели и не стыдится с жаром защищать их, несчастная.

28. Как Святый Дух очищает душу, и что должны мы делать для сего

Очистить ум только Духа Святого есть дело. Ибо если не придет Крепльший Сей, не поймает и не свяжет хищника ононого (Лк. 11, 22), то похищенное им никак не может быть высвобождено. Подобае́т убо всякими добродетелями, наипаче же миром душевным упокоевать в себе Духа Святого, чтоб иметь в себе светильник разума всегда светящим; по-

тому что когда он непрестанно светит в сокровенностях души, тогда не только явны бывают в уме даже малые темные прилоги бесовские, но и бездейственны и неустойчивы, будучи обличаемы Святым оным и преславным Светом. Почему Апостол и говорит: *Духа не угашайте* (И Сол. 5, 19), т. е. не *оскорбляйте* (Еф. 4, 30) благостыни Святого Духа злыми делами или помышлениями, чтоб не лишиться всепобедительного одного светильника. Ибо не присносущный и животворный угасает при сем Дух, но Его опечаление, или лучше отвращение, оставляет ум наш ожестелым и чуждым света ведения.

29. О единости чувства душевного прежде греха и разделении его по причине греха, – и о том, когда желание неразумное соединяется и бывает согласно с разумным

Едино есть, как я сказал, естественное в душе чувство [ибо известные пять телесных чувств суть особое дело; они служат потребностям тела, как научает нас всесвятой и человеколюбивый Дух Божий]; но оно ныне в проявлениях движений души разделяется надвое по причине поползновения на недоброе, приразившееся к уму чрез преслушание. Почему, то оно влечется страстною частию души, – от чего мы

сладостно сочувствуем благам житейским; то соуслаждается разумному мысленному ее движению, — поколику ум наш, когда мы целомудрствуем, с вожделением устремляется тещи к небесным красотам. Если потому мы придем в навьк презирать блага мира сего, то сможем наконец и земное вожделение души привести в согласие с разумным ее настроением, в силу общения Духа Святого, сие в нас домостроительствующего. Ибо если Его Божество действительно не озарит сокровенностей нашего сердца, то мы не возможем нераздельным чувством, т. е. всецелым расположением души, вкусить Небесного блага.

30. Когда и как чувством ума различаются истинные утешения от ложных

Чувство ума есть вкус его, верно различающий духовные вещи. Как телесным нашим чувством вкуса в здоровом состоянии непогрешительно различая хорошее от нехорошего, приятного желаем (от неприятного же отвращаемся): так и ум наш, когда начинает действовать в добром настроении и в полном беспопечении о преходящем, может богато ощущать божественное утешение и нимало не быть увлекаемым ничем противным тому. Ибо как тело, земных вкушая сластей, приобретает опытность в чувстве сем безошибочную: так и ум, когда поднимается выше плотского мудревания, может

нелестно вкушать и различать утешение Святого Духа, как говорится: *вкусите и видите, яко благ Господь* (Пс. 33, 9), и имея память о сем вкушении по действию любви незабвенною, непогрешительно различать лучшее, по слову св. Апостола: *и о сем молюся, да любовь ваша паче и паче избыточествует в разуме, и во всяком чувстве, во еже искушати вам лучшая* (Флп. 1, 9).

31. О ложном утешении сатаны, напускаемом во время упокоения сном, и как ум рассеивает его теплым призыванием имени Иисуса и самого сатану обращает в бегство

Когда ум начнет ощущать благодатное утешение Святого Духа, тогда и сатана свое влагает в душу утешение в кажемся сладким чувстве, во время ночных успокоений, в момент тончайшего некоего сна (или засыпания). Если в это время ум окажется держащим в теплейшей памяти святое имя Господа Иисуса, и как верным оружием против прелести воспользуется сим пресвятым и преславным именем; то лукавый обольститель оный тотчас удаляется, но за то возгорается наконец бранию против души своим лицом (а не помыслами). Так ум, точно распознавая обманчивые прелести лукавого, более и более преуспевает в различении духовных

вещей.

32. О добром утешении души, в бодрственном ли состоянии или во время успокоения сном бывающем, и как сатана покушается во время сна прельстить душу ложным утешением

Благое утешение бывает или в бодрственном состоянии тела, или при погружении его в сон, когда кто в теплом памятовании о Боге как бы прилеплен бывает любовью к Нему; а утешение обманчивое, прельстительное, как я сказал, бывает всегда в то время, как подвижник приходит в тонкое некое дремание, или забытие, при памятовании о Боге посредственным. То, происходя от Бога, явно влечет души подвижников благочестия в любви Божией в сильном изливании душевных чувств; а это обыкновенно обвеваает душу неким ветром обманчивой прелести и во время сна телесного покушается похитить чувство вкушением чего-то приятного, несмотря на то, что ум в известной мере здравствует в отношении к памятованию о Боге. — Итак если, как я сказал, ум окажется в такое время трезвенно памятующим о Господе Иисусе, то тотчас рассеивает это обманчиво кажущееся приятным дыхание врага, и с радостию выступает на борьбу с ним, имея готовое против него оружие, по благода-

ти, в прехвальной опытности своей духовной.

33. Как радость о Духе Святом распознается от лживой бесовской, и когда диавол приступает к обольщению лживым утешением

Если душа неколеблющимся и немечтательным движением воспламенится к любви Божией, влеча некакo в глубину сей неизреченной любви и самое тело, – в бодрствовании ли то, или, как я сказал, при погружении в сон возде́йствующего свято́ю благодатию подвижника, между тем как душа совершенно ни о чем другом не помышляет, кроме того одного, к чему возбуждена; – то ведать надлежит, что это есть действо Святого Духа. Будучи вся преисполнена приятных чувств от неизреченной оной божественной сладости, она и не может в ту пору помышлять ни о чем другом, а только чувствует себя обрадованною неистощимою некоею радостью. Если же при таком возбуждении ум восприимет колебание некое сомнительное, или нечистое какое помышление, и если при сем Святым Господним именем будет пользоваться для отвращения зла, а не паче по одной любви к Богу; – то ведать надлежит, что утешение это – от прельстителя, и есть только при́зрак радости. Радость такая совне навеивается, и является не как качество и постоянное расположение души; ви-

димо, тут враг хочет опрелюбодействовать душу. Видя, что ум начинает проявлять верную опытность своего чувства, он и своими некими утешениями, кажущимися благими, подступает утешать душу, в ожидании, что она, будучи развлекаема этою блажною макротною сластиею, не распознает своего смешения с обольстителем. По сим признакам можем мы распознавать *духа истины и духа лестча* (1 Ин. 4, 6). – Никому впрочем невозможно ни божественной благодати чувством вкусить, ни горести бесовской ощутительно испытать; если кто не удостоверится в себе, что благодать во глубине ума его сотворила себе обитель, а злые духи гнездятся негде окрест членов сердца. Бесы же отнюдь не хотят, чтоб люди как-нибудь удостоверились в этом, дабы ум, верно зная это, не вооружался против них непрестанною памятию о Боге.

34. О двоякой любви – естественной и духовной (благодатной) и об отличиях каждой

Есть любовь в душе естественная, и есть от Святого Духа в нее изливаемая. Та, если захотим, приходит в соразмерное движение и от нашей воли; почему удобно расхищается злыми духами, коль скоро перестаем в усиленном напряжении держать свое произволение. А эта так пламенит душу любовью к Богу, что все части души прилепляются к неизреченной сладости божественного возлюбления в безмерной

некоей простоте расположения; ибо тогда ум, как бы чреват бывая от духовного (благодатного) действия (энергии), источает обильный некий поток любви и радования.

35. О благодати Божией, как она одна умиряет волненные движения души

Как море волнуемое, когда возливают на него елея, обыкновенно стихает, потому что тучность елея препобеждает силу воздымающей волны бури: так и душа наша, умащаемая благодатию Святого Духа, сладостною исполняется тишиною; потому что, по слову пророка: *обаже Богови повинися душе моя* (Пс. 61, 6), – тогда к обрадованию ее пресекается всякое в ней волнение, уступая приосеняющей ее благодати Духа и порождаемому тем бесстрастию. Почему какие бы потрясения ни покушались в ту пору произвести в душе бесы, она пребывает мирствующею в себе и всякого полную радования. Но в такое состояние никто не может прийти, ни пребывать в нем, если не будет непрестанно отрезвлять и услаждать душу свою страхом Божиим; ибо страх Господень приносит подвизающимся некий вид непорочности и чистоты. *Страх Господен чист*, говорит пророк, *пребываяй в век века* (Пс. 18, 10).

36. Как и когда душа может ощутить славу Божию; и о лживости диавола, показывающего иногда свет, или нечто похожее на свет

Никто, слыша о чувстве ума, да не воображает, будто слава Божия является ему чувственно. Мы говорим, что душа, когда бывает чиста, неизреченным неким вкушением ощущает божественное утешение, но не так, чтоб при сем чувственно являлось ей что-либо из невидимого; *ибо ныне мы верою ходим, а не видением*, как говорит блаженный Павел (2 Кор. 5, 7). Почему, когда кому-либо из подвижающихся явится свет, или зрак какой огневидный, или глас, пусть он ни под каким видом не принимает за истинное такое явление. Ибо это явно есть прелесть вражия, — и многие, с которыми это случалось, по неведению сбивались с пути истинного. Мы же знаем, что пока живем страннически в тленном теле сем, устранимся от Бога (2 Кор. 5, 6), — т. е. не имеем возможности видимо видеть ни Его, ни дивных вещей Его пренебесных.

37. О снах, Богом посылаемых, и дьяволом навеваемых и о разности их

Сны, являющиеся душе по любви Божией, суть необманичивые указатели здравия душевного. Они не изменяются из одного образа в другой, не наводят страха, не возбуждают смеха или внезапного опечаления, но приступают к душе со всею тихостию и преисполняют ее духовного радования; почему душа, и по пробуждении тела, со всем вожделением ищет этого испытанного во сне обрадования. У бесовских мечтаний все бывает противно сему, — не пребывают они в одном и том же образе, и вида своего не показывают долго не смятенным; потому что тем, чего нет в их произволении, но что заимствуют они из своей только лживости, долго довольствоваться они не могут. При этом они много говорят и обещают великого, а еще больше угрозами страшат, принимая на себя нередко вид воинов; иногда припевают душе и что-нибудь льстивое с шумным криком. Ум, когда чист бывает, скоро распознает их, и — иногда мысленным напряжением пробуждает тело, а иногда охотнее остается в том же положении, радуясь, что возмог распознать их лукавство, и в том же сне обличая их и тем подвигая их на великий против себя гнев. — Бывает, впрочем, что и добрые сны не радость приносят душе, а печаль некую сладостную, и слезу неболезненную. Это случается с теми, которые преуспели уже в ве-

ликом смиренномудрии.

38. О добродетели неверования никаким снам

Мы изложили, как различать сны хорошие и худые, основываясь на том, что сами слышали от опытных старцев. Давлеет однако ж нам паче, как великая добродетель, то правило, чтоб отнюдь не верить никакому сонному мечтанию. Ибо сны наибольшею частию бывают ни что иное, как идо-лы помыслов, игра воображения или еще, как я уже говорил, бесовские над нами наругания и забавы. Если, держась сего правила, мы иногда не примем такого сновидения, которое послано будет нам от Бога, то не погневается за это на нас любвеобильный Господь Иисус, ведая, что мы дерзаем на это из опасения бесовских козней. Ибо хотя предреченный способ различения снов верен; случается однако ж, что душа, по некоему восхищению вражьему нечувствительно и произвольно будучи осквернена, — без чего, как думаю, никто не обходится, — теряет след верного различения и верит снам недобрым, как добрым.

39. Пример в доказательство того, что Бог никому не ставит в вину неверия посылаемым от него снам

Да послужит нам в доказательство сказанного следующий случай: господин после долгого отсутствия, возвратясь домой, стоит ночью у ворот и зовет раба, чтоб отворил; раб, не распознавая точно, господин ли это, решительно отказывает ему в этом, боясь, чтоб, обманувшись сходством голоса, не впустить злодея и не сделаться предателем вверенного ему господином имущества; и господин, когда настал день, не только не разгневался за это на него, но напротив великими превознес его похвалами что голос его самого счел обманом, не желая утратить что-либо из его имущества.

40. О видении душою духовного в себе света, о светах вражеских и о том, как сделать, чтоб, живя в мире, быть чужду мира

Что ум наш, когда начнет в нем ощутительно действовать божественный свет, соделовавшись весь светлым, так что сам богато видит сей сущий в нем свет, в этом не должно сомневаться. Так всегда бывает, коль скоро душа сильно воз-

господствует над страстями. Но бывает, что нечто подобное призрачно является в уме и от злокозненности вражеской, то как свет, то как огонь, как учит божественный Павел, говоря, что и *сатана* иногда *преобразуется в Ангела света* (2 Кор. 11, 14). Почему не должно в такой надежде, (т. е. в надежде видеть свет в себе) приступать к прохождению подвижнического жития, чтоб сатана не нашел поэтому души предуготованною к восхищению ее в прелесть и не восхитил в самом деле. Но должно то одно иметь при сем в виду, чтоб достигнуть любви к Богу всем чувством и с полным удостоверением сердечным, – что и есть любить Бога всею душою, всем сердцем и всем помышлением (Лк. 10, 27). В ком действует сие благодатию Божиею, тот, живя в мире, чужд бывает мира.

41. О послушании, – что оно есть величайшая из добродетелей, есть дверь любви и предводительница всех добродетелей

Послушание есть, как достоверно известно, первое в числе вводных (новоначальных) добродетелей добро; ибо оно отсекает кичение и порождает в нас смиренномудрие. Почему бывает входною дверью любви ко Христу Богу для тех, кои с сердечным расположением держатся его. Отложив его,

Адам ниспал во глубину ада. Господь же, возлюбив его, в силу домостроительства нашего спасения, послушлив был Отцу Своему даже до креста и смерти (Флп. 2, 8), – и это тогда, как ни в чем не меньше был величества Его, – чтоб, своим послушанием загладив вину преслушания человеческого, тех, кои поживут в послушании, возвести к блаженной и вечнующей жизни. Итак, тем, кои восприемлют борьбу с гордынею диавольскою, прежде всего должно возревновать о сей добродетели, – и она, предшествуя, незаблудно покажет им потом все стези добродетелей.

42. О том, что воздержание должно держать во всем, чтоб не одни телесные стяжать добродетели, но и те, кои очищают внутреннего человека

Воздержание есть принадлежность всех добродетелей; почему *подвизающийся* должен от всего *воздерживаться* (1 Кор. 9, 25). Как, когда отнят будет какой-нибудь наималейший член человеческого тела, весь вид человека делается безобразным, как ни будь мало то, чего в нем не достает: так и когда кто об одной лишь какой вознерадит добродетели, расстраивает все благолепие воздержания, хотя и не видит того. Почему должно не только телесные люботрудно проходить добродетели, но и те, которые имеют силу внутреннего

нашего очищать человека. Ибо какая польза тело соблюдать девственным, когда душа блудодействует с бесом непослушания? Или как увенчается тот, кто от чревоугодия и всякой другой похоти телесной блюдет себя, а о кичении и славолюбии небрежет, не стерпевая даже и малейшего оскорбления, тогда как ведает, что свет правды имеет уравновесить чашу (воздаяния) с делами правды только тех, кои совершали их в духе смирения?

43. О пользе и образе хранения воздержания в пище

Все бессловесные похоти подвигающимся так должно возненавидеть, чтоб эта ненависть к ним обратилась у них в навык. Воздержание же в пище так надлежит соблюдать, чтоб никто никогда не доходил до почитания мерзким какого-либо из яств. Это бесовское дело и есть клятвы близ. Ибо мы не потому воздерживаемся от некоторых яств, что они по природе злы, — да не будет! — но для того чтоб, воздерживаясь от них, соразмерно укротить пламенеющие члены плоти; еще же и для того, чтоб остающаяся у нас от потребления пища была обращена в удовлетворение насущной нужды бедных, — что есть признак искренней любви.

44. Как сделать, чтоб легко было отказываться от сласти яств и других удовольствий

От всего предлагаемого для ястия и пития есть и пить со благодарением Богу нисколько не противно закону ведения; ибо вся в созданиях Божиих *добра зело* (Быт. 1, 31). Но самоохотно воздерживаться от многоядения и сладкоядения весьма благоразумно и премудро. – Только отказываться так самоохотно от предлежащих сластей мы не можем, если самым делом и опытом не вкусим божественной сладости всем чувством.

45. Об изгнании излишнего воздержания, чтоб тело оставалось крепким для подвигов духовных

Как множеством яств обременено будучи, тело наше делает ум каким-то беспечным и неподвижным: так и будучи измождено чрезмерным воздержанием, соделовает созерцательную часть души унылою и несловолюбивою (м. б. не охочю рассуждать). Подобаает убо образ питания телесного соразмерять с состоянием сил и крепости тела: когда оно здорово, утеснять его, сколько потребно, а когда немоществует,

послаблять ему несколько. Подвизающемуся не следует расслабевать телом, но быть в силе, сколько требуется для продвига, чтоб хотя телесными трудами очищалась надлежаше и душа.

46. Об умалении обычной строгости воздержания по случаю прихода братий или других странников

Когда, при приходе каких-либо братий или какого-либо странника, тщеславие, пользуясь сим случаем, придет в движение и, надывая нас своим ядом, станет подстрекать не нарушать своего о пище устава; тогда наипаче благопотребно послабить несколько меру обычного пищеприятия. Ибо таким образом мы и беса отошлем от себя с оплакиванием безуспешности своего покушения, и закон любви рассудительно исполним, и тайну воздержания нашего чрез послабление его сохраним невыказанною.

47. О посте и других телесных добродетелях, – что они одни без сердечного благонастроения не имеют цены пред Богом

Пост, хотя как орудие, благоустрояющее хотящих к цело-

мудрию, имеет цену, но не пред Богом. Почему подвижникам благочестия не должно высокоумствовать по поводу его, но от единой веры в Бога чаять достижения своей цели. И мастера по какому-либо искусству в совершенстве своей искусности удостоверяют не добротностию своих орудий, но терпеливо заканчивают какое-либо изделие, и оно уже служит показателем, насколько они искусны в своем мастерстве.

48. О пользе умеренности в питии для духовного в душе плодоношения

Как земля умеренно напояемая, с большим приплодом изращает вметаемое в нее чистое семя, а упояемая слишком обильными дождями приносит только терния и волчцы: так и земля сердца, когда употребляем вина в меру, естественные свои семена являет чистыми, а всеваемые в нее Духом Святым износит добролиственными и многоплодными; когда же чрез меру одождим ее многопитием, износит только терния и волчцы всеми помыслами своими.

49. О неумеренности в питии, как она вызывает срамные похотения

Когда ум наш плавает в волнах многопития, тогда не только на образы, во сне представляемые ему бесами, смотрит страстно, но и, сам в себе рисуя некие красивые лица, та-

кими мечтаниями своими, как какими живыми существами, услаждается с раждением. Ибо когда похотные части тела разогреются от винной теплоты, тогда нуждение некое налегает на ум представлять в себе сластолюбно такие те ни страсти. Почему надлежит нам, соблюдая мерность, избегать вреда от излишества бывающего. Тогда ум, не имея подвигающей его на живописание греха сласти, пребывает весь немечтательным и, что еще лучше, бессластным.

50. Об избегании употребления раздражающих аппетит напитков, искусственно приготовляемых

Желающим укротить воздымающиеся члены тела не должно касаться искусственно приготовляемых напитков, которые хитрецами такого изобретения называются предпрятием по той причине, что они обыкновенно пролагают в чрево путь множеству яств. Ибо не только качество их бывает во вред подвигающимся телам, но и самое безмысленное смешение входящих в их состав веществ сильно поражает богобоязненную совесть. Ибо чего такого не достаёт в естестве вина, чтоб нужда належала примешением разных сластей смягчать его крепость?

51. Чему хотел научить Господь, прияв на Кресте оцта из губки, надетой на трость

Господь наш, и сего священного (подвижнического) жития Учитель, Иисус Христос оцтом был напоен во время страдания Своего от тех, кои служили повелениям диавола, чтоб оставить нам, как мне кажется, ясный образец, с каким расположением должны мы проходить священные подвиги. Сим он как бы сказал: подвижающимся против греха не должно употреблять сладких яств или питий; но паче должно терпеливо переносить горечь брани. Можно приложить и значение иссопа к губке, чтоб чрез тот и другую совершеннее представить образ нашего очищения. Тот, как вещь жесткая, представляет свойство подвигов, а эта, как вещь, употребляемая при омовениях, напоминает о полном совершенстве очищения.

52. Духовным не следует ходить в баню; и почему

Ходить в баню никто не сочтет грешным или неразумным; но воздержания ради удаляться и от этого, я называю делом и мужественным и целомудреннейшим. Ибо в таком случае

ни тело наше не разблажается сладным оным омовением, ни в душе не возбуждается воспоминание о бесславном обнажении Адама, чтоб подобно ему заботиться о листвях для прикрытия второй срамоты обнажения. Особенно это необходимо для нас, которые, недавно высвободясь из пагубного растления жизни сей, должны всячески стараться пребывать в неразлучном единении с красотой целомудрия непорочною чистотою своего тела.

53. Почему в киновиях надо приглашать врача для излечения болезни; и что в таких случаях должно делать живущим уединенно в пустыни

Врача приглашать во время недугов ничто не препятствует. Бог провидел, что будет нужда во врачевательном искусстве и благоволил, чтоб оно наконец составилось на основании опытов человеческих; для того наперед дал бытие и врачествам в ряду творений. Впрочем, не на них должно полагать надежду уврачевания, но на истинного нашего Врача и Спасителя, Иисуса Христа. Это однако ж я говорю тем, которые жизнь подвижническую проводят в киновиях или в городах, по той причине, что они, судя по течению приключаящихся с ними обстоятельств, не всегда могут иметь непрестающим действо веры, будучи окружены любовью, — а то — и

по той, чтоб не впадали они в тщеславие и в искушение диявола, по которым некоторые из них при многих объявляют, что не имеют нужды во врачах. Если же кто отшельническую жизнь проводит в местах пустынных с двумя или тремя единомышленниками, то каким бы недугам ни подвергался он, да предаст себя Единому Господу, Целителю всякой нашей болезни и немощи. По Господе он в самой пустыни имеет довольное утешение в болезнях, к тому же, как действие веры может у него не оскудеть никогда, так и выставить напоказ свою добродетель терпения не имеет он возможности, будучи прикрыт доброю завесою пустыни. Для сего-то Господь и *вселяет единомысленныя в дом* (Пс. 67, 7).

54. Что показывает малодушие в болезнях, и что – благодушие

Когда мы крайне тяготимся приключаящимися нам расстройствами телесного здоровья, ведать должно, что душа наша еще поработана телолюбью. Почему как вещественных вождевая наслаждений, не хочет она отрешиться от житейских благ, так великою почитает тяготу – не иметь по причине болезней возможности пользоваться приятными для плотской жизни вещами. – Если же она с благодарностью переносит прискорбности из-за болезни, то это знак, что она недалеко от пределов бесстрастия. Почему с радостью ожидает она тогда и самой смерти, как виновницы вступления в

истинную жизнь.

55. Что потребно, чтобы душа не услаждалась благами сего мира, а паче желала разрешиться от тела

Душа не возжелает разрешиться от тела, если не сделается совершенно равнодушною к воздуху сему (т. е. ко всему житейскому и мирскому). – Все чувства телесные сопротивляются вере, так как чувства вкушать ищут только настоящего – присущего, а вера обещает богатство благ будущих. Почему подвижающемуся никогда не подобает помышлять ни о деревьях ветвистых и тенистых, ни об источниках добротечных, ни о лугах доброцветных, ни о домах благолепных, ни о беседах с родными приятных, – равно как воспоминать и о богатых приношениях, если случалось быть ими почтенным. Но ему надлежит тем, что необходимо, пользоваться с благодарностию, жизнь же сию почитать неким странническим путем, чуждым всякого плотского утешения. Ибо только таким образом стеснив свою мысль, возможем мы обратить ее всю на стезю, ведущую в живот вечный.

56. Как немирное пользование телесными чувствами затрудняет памятование о боге и заповедях его, и как избежать сего зла

Что зрение, вкус и прочие чувства рассеивают память сердца, когда пользуемся ими без меры, об этом первая возвещает нам Ева. Ибо пока не взглянула она на заповеданное древо сластолюбно, дотоле тщательно помнила Заповедь Божию: чего ради как бы покрываемая крылами любви Божией, неведала она и наготы своей. Когда же воззрела на то древо сластолюбно, коснулась его с великим похотением и наконец вкусила от плода его с неудержимым вожделением; тотчас восприяла склонность к плотскому самоуслаждению и, как обнаженная сочетавшись с сею страстию, все свое вожделение предала взысканию вкушения настоящих утех, применивши по действию видимой привлекательности плода к своему падению и падение Адама; вследствие чего уму человеческому стало затруднительно памятовать о Боге или о заповедях Его. Мы же, всегда с непрестанною памятию о Боге взирая во глубину сердца своего, будем проводить сию падкую на прелести жизнь, как слепые очами; ибо любомудрию воистину духовному свойственно сохранять непарительным присущий в нас позыв видеть *красное еже видити*. Этому и

многоопытнейший Иов научает нас, говоря: *еще и в след ока моего иде сердце мое* (Иов. 31, 7). Такое действование есть верный признак крайнего воздержания.

57. Как бывает, что ходящий духом не ведает вожделений плотских, и диавол тщетно искушает его чистоту

Всегда пребывающий в сердце своем далек от всех красных жизни сей вещей; и ходя духом, похотей плотских изведывать не может. Поелику таким образом таковой шествие свое совершает в ограждении добродетельми, сии самые добродетели имея как бы привратными стражами своего града чистоты; то все козни бесов против него остаются безуспешными, хотя иной раз стрелы сей общей всем похоти достигают даже до окон естества.

58. Об унынии, нападающем иногда по отгнании похотений плотских, — каково оно и как его прогонять

Когда душа начнет уже не похотевать красных земных вещей, тогда прокрадывается в нее большею частию некий унывный дух, который ни охотно потрудиться в служении слова не допускает ее, ни твердого желания будущих благ

не оставляет в ней, еще же и эту привременную жизнь представляет крайне непотребною, как не имеющую достойных дел добродетели, и самое ведение уничижает, как дарованное и другим многим или ничего особенного нам не возвещающее. Сей теплохладной и разленивающей страсти мы избежим, если в крайне тесные вставим пределы нашу мысль, держа во внимании одну память Божию; ибо только таким образом дух, востекши в свойственное ему горение, может отгнать от себя неразумное оное разленивание.

59. Коль велика помощь в духовном подвиге от непрестанного теплого поминания имени иисусова во глубине сердца

Ум наш, когда памятию Божиею затворим ему все исходы, имеет нужду, чтоб ему дано было дело какое-нибудь, обязательное для него, в удовлетворение его приснодвижности. Ему должно дать только священное Имя Господа Иисуса, Которым и пусть всецело удовлетворяет он свою ревность в достижении предположенной цели. Но ведать надлежит, что, как Апостол говорит, *никтоже может реици Господа Иисуса, точию Духом Святым* (1 Кор. 12, 3). С нашей стороны требуется, чтоб сказанное речение (Господи Иисусе Христе и проч.) умом в себе утесняющимся непрестанно было изре-

каемо в сокровенностях его так, чтоб при этом он не уклонялся ни в какие сторонние мечтания. Которые сие святое и преславное Имя непрестанно содержат мысленно во глубине сердца своего, те могут видеть и свет ума своего (ясность мысли, или определенное сознание всех внутренних движений). И еще: сие дивное Имя, будучи с напряженною заботливостию содержи́мо мыслию, очень ощутительно пополает всякую скверну, появляющуюся в душе. *Ибо Бог наш огонь поядаяй есть* всякое зло, как говорит Апостол (Евр. 12, 29). Отсюда наконец Господь приводит душу в великое возлюбление славы Своея; ибо преславное то и многовожденное Имя, укусневая чрез памятование о нем ума в теплом сердце, порождает в нас навык любить благостыню Его беспрепятственно; потому что нечему уже тогда полагать тому препону. И сие-то есть бисер оный многоценный, который стяжевают, предав все свое имение с неизреченною радостию об обретении Его.

60. О двоякой радости, – начальной и совершенной, и о слезах средних между ними

Иная есть радость началовводная, и иная завершительная: та не непричастна мечтаний (о себе), а эта сильна смиренно-мудрием; посреде же их – печаль боголюбивая и неболезненный плач. *Яко во множестве мудрости множество разума,*

и приложивши разум, приложит печаль (Еккл. 1, 18). Сего ради надлежит прежде началовводною радостию призвать душу к подвигам; потом предать ее обличению и искушению истинною Духа Святого, как о прежде содеянных грехах, так и о содеваемых еще поползновениях в самозабвении. *Во обличениях бо о беззаконии наказал еси человека, и истаял еси, яко паучину душу его* (Пс. 38, 12). Чтоб после того как обличение Божие искусит ее, как в горниле, она восприняла действие немечтательной радости в теплом памятовании о Боге.

61. О забвении Бога и восстановлении памятования о Нем, о причинах первого, и средствах ко второму, и о высшем его проявлении

Когда душа возмущается гневом, или отягчается многоядением, или сильною печалию омрачается, тогда ум не может держать памятования о Боге, хотя бы и понуждаем был к тому как-нибудь. Ибо весь будучи омрачен лютостию сих страстей, бывает он тогда совершенно чужд собственного чувства; почему желание не имеет где наложить свою печать, чтоб чрез то ум мог носить незабвенным и неизменным вид богомыслия, так как тогда память его огрубевает по причине суровства страстей. — Когда же она бывает свободна от таких возмущений, тогда, если иногда и успеет забвение на

мгновение украсть мысль о возлюбленном Господе, ум, восприяв свою энергию и живость, тотчас опять с жаром емлет-ся за многовожденную оную и спасительную ловитву; ибо тогда сама благодать и сбогомысльствует душе и совзывает: Господи Иисусе Христе! Подобно тому, как мать, уча дитя свое, многократно повторяет вместе с ним имя – отец, пока не доведет его до навыка вместо всякого другого, подсильного дитяти слова, ясно произносить – отец, даже и во сне. Посему Апостол говорит, – что *Сам Дух способствует нам в немощах наших; о чем бо помолимся, якоже подобает не вемы, но Сам Дух ходатайствует о нас воздыханиями неизглаголанными* (Рим. 8. 26). Ибо, так как мы младенчествуем пред совершенством сей молитвенной добродетели; то всеконечно имеем нужду в Его помощи; чтоб, когда неизреченная Его сладость обымет и усладит все наши помыслы, мы всем расположением подвиглись памятовать о Боге и Отце нашем и любить Его. Почему, как тот же дивный Павел говорит, *о Нем вопием: Авва Отче* (Рим. 8, 15), когда Им благонастроены бываем призывать Бога Отца.

62. О гневе, – когда и как можно допускать его

Гнев больше всех других страстей обыкновенно встревоживает и в смятение приводит душу; но есть случаи, когда он крайне для нее полезен. Так, когда несмущенно гневаемся

на нечестующих, или другим каким образом бесстыдствующих, да спасутся или по крайней мере устыдятся, тогда душе нашей доставляем то же, что кротость; потому что в таком случае всячески споспешествуем целям Божией правды и благодати. Также когда поднимаются в душе женолюбивые движения, тогда, разгневавшись посильнее на этот грех, отрезвляем нередко душу и придаем ей мужескую силу противостоять ему. А что, находясь в крайнем расстройстве духа, можем мы, запретив гневно самому духу расстроителю, возвышаться мудрованием даже над ужасами, коими хвалится подавлять нас смерть, в этом не должно сомневаться: что желая показать нам, Господь, при воскрешении Лазаря, сначала запретил в духе аду и ободрил себя и потом уже несмятенною волею, как и всегда делал все, что ни делал, возвратил телу Лазареву душу. Так что, как мне кажется, целомудрый гнев дан естеству нашему Создавшим нас Богом более как орудие правды; и если бы Ева воспользовалась им против змия, то не подпала бы пагубному действию страстного оного похотения. Почему полагаю, что пользующийся целомудро гневом по ревности к благочестию, более одобрительным окажется на весах праведного воздаяния, нежели тот, кто по неподвижности ума никогда не подвигается на гнев; так как у этого, его правитель человеческих мыслей и чувств остается необученным, а тот, на конях добродетели восседая, всегда в борьбе пребывает и носится среди полчищ бесовских, непрестанно обучая в страхе Божиим четвероконницу воз-

держания, которую Св. Писание назвало *колесницею Израилевою*, как находим в описании взятия на Небо божественного Илии (4 Цар. 2, 12). Иудеев первых Бог многообразно обучал четырем добродетелям; почему и взят был на Небо таковой и толикий питомец мудрости (мужества, правды и воздержания),³ конями имея, как мне кажется, сии добродетели свои, когда взял его дух в веянии огня.

63. Совершенному в духовной жизни не подобает судиться

Сподобившийся святого ведения и вкусивший сладости Божией ни тягаться никогда не должен (когда кто на него жалобу подает), ни сам поднимать против кого тяжбу, хотя бы кто стянул с него одежду, в которую одет; ибо правда властей века сего ниже правды Божией, — или лучше, она ничто пред правдою Божиею; да и какое различие между чадами Божиими и людьми века сего, если не то, что правда этих последних нейдет в сравнение с правдою тех первых; почему и называется та правдою человеческою, а эта правдою Божиею. Так и Господь наш *укоряем противу не укоряше, и стражда не прещаше* (1 Пет. 2, 23); а напротив, не только снятие одежды перенес в молчании, но, что несравненно выше, молился Отцу о спасении злодейски действовавших против Него. Люди же мира не перестанут тягаться, пока с лихвою не получают

---

³ Прибавка по славянск. переводу.

искового от тех, с коими тягаются, особенно когда ищут роста на долг: так что их правда бывает часто началом великой неправды.

64. Лучше предав терпимую неправду Суду Божию, внимать молитве и хранению сердца, чем судиться

Слышал я, как некие благочестивые говорят, что не должно всякому позволять расхищать то, что имеем для своего содержания и для упокоения бедных; чтобы, снисходя такому злу, не сделаться нам виновными во грехе обижающих нас, и особенно, когда терпим это от христиан. – Но так поступать ни что другое есть, как желать спасти больше свое, чем себя самих. Ибо если я, оставя молитву и внимание своему сердцу, начну искать суда на обидевших меня и корпеть в сенях судилищ, то явно, что для меня искомое гораздо дороже собственного моего спасения, чтоб не сказать, и самой спасительной заповеди. И как явлюсь я последователем Евангельской заповеди, повелевающей мне: *и от взывающего твоя не истязуй* (Лк. 6, 30), если, по слову Апостольскому, не стану *с радостию принимать разграбление имений своих* (Евр. 10, 34), когда она (заповедь) и того, кто по суду обратно получает, в чем насилуван, не освобождает от греха лихоимания? Тленные (временные, или тленными о тленных вещах производимые судилища) не могут отменить нетлен-

ного Божия Суда; и виновный тем законам удовлетворять должен, которым подлежит его дело и по которым ему следует защищаться. Доброе убо есть дело перетерпевать насилие от хотящих онеправдовать нас, и молиться о них, чтобы ради их покаяния, а не ради возвращения ими нам того, что они у нас похитили, отпущено было им прегрешение лихоимства. Ибо правда Божия хочет, чтоб мы самого лихоимца, а не олихоимствованное им, некогда прияли свободным от греха чрез покаяние.

65. Продай все и раздай бедным; к сему паче всего располагает смирение

Очень пригодно и паче всего душеполезно, познав истинный путь благочестия, тотчас все свое распродать и раздать полученное от того нищим, по заповеди Господа, и не попускать себе под видом желания всегда иметь возможность исполнять заповедь (о помогании бедным) преслушать сие спасительное повеление (о раздании за раз всего). От сего будет у нас, во-первых, добрее беспопечение, а отсюда потом не подлежащая наветам нищета, которая сама горняя мудрствует, и другим не подает повода к неправым искам на нас, когда у нас ничего уже не будет, чем могл бы воспламеняться огонь лихоимания у лихоимцев. Согреет же нас тогда, паче всех других добродетелей, смирennemудрие и в своих недрах упокоит, как нагих; подобно тому, как мать, взяв на руки

дита свое, упокоевает и согревает его в объятиях своих, когда оно, по младенческой простоте своей, скинув одеяние свое, далеко отбрасывает его от себя, по великому незлобию своему находя более для себя приятную наготу, чем пестротную красоту одеяния своего. Ибо сказано: *храняй младенцы Господь: смирихся и спасе мя* (Пс. 114, 5).

66. Все раздать – путь к смирению

Господь потребует от нас отчета в милостынеподавании, *поколикую кто имеет, а не поколикую не имеет* (1 Кор. 8, 12). Посему если я, в страхе Божиим с горячим благорасположением, покорствуя повелению Господа, все, что имел бы раздавать многие годы, раздам в короткое время, в чем еще буду укоряем, когда уже ничего не имею? – Но скажет кто: (если все раздадим), откуда же потом будут получать милостыню бедные, которые теперь кормятся от наших посильных подаваний? – Таковому вот какой приличен урок: не дерзай нечто укорное для Бога примышлять для прикрытия своего любоимания. Не оскудеют у Бога способы попечительно благоустроить создание свое, как делал сие от начала. И прежде, чем сей или оный были возбуждены к милостынеподаванию, оставались ли бедные без пищи или одежды? Будь убо уверен, что гораздо лучше тотчас по познании истины благостно иждить все на послужение бедным, отринув внушаемое пристрастием к богатству неразумное мудрование и

горделивость и возненавидев свои похотения, — что и значит — возненавидеть душу свою: чтобы потом, не имея уже поводов радоваться в самовосхвалении постоянному раздаванию имений, унижали мы себя, как ничего доброго не делающие. Ибо пока изобилуем богатством, много услаждаемся раздаянием его, когда бывает на то охота, как с радостью исполняющие божественное повеление; когда же иждивем все, исполняемы бываем смиренными и сокрушенными чувствами, как ничего праведного не творящие. Вследствие сего душа в великом смирении возвращается в себя, чтобы чего не можем уже стяжевать каждодневным милостынераздаянием, того сподобляться прилежною молитвою, терпением и смиренномудрием; ибо сказано: *нищ и убог восхвалит имя Твое, Господи* (Пс. 73, 21). К тому же и дар богословствования никому не уготовляется от Бога, кроме тех, кои наперед располагают себя от всего своего отрещись ради славы Евангелия Божия, чтоб в боголюбезной нищете благовествовать о богатстве Царствия Божия. Сие дает разуметь рекший: *уготовал еси благостию Твоею нищему, Боже, и присовокупивший к сему: Господь даст глагол благовествующему силою мною* (Пс. 77, 11, 12).

67. О даре богословствования, — сколько и какие блага от него происходят

Все дары Бога нашего добры вельми и всеблагоподатель-

ны; но ни один из них так не воспламеняет и не подвигает сердца к возлюблению Его благодати, как богословствование. Ибо оно, будучи первейшим порождением благодати Божией, первейшие и дары подает душе: во-первых, оно располагает нас с радостью презирать всякие приятные утешения житейские, так как в нем мы имеем вместо преходящих утешений неизреченное богатство словес Божиих; а потом оно огненным неким изменением ум наш озаряет и чрез то делает его общником служебных духов. Достодолжно убо приготовившись, возлюбленные, потечем к сей добродетели, благолепной, всезрительной, всякое попечение земное посекающей, в озарении света неизреченного ум питающей словесами Божиими, и, – чтоб не говорить много, – словесную – разумную душу к нераздельному общению с Богом Словом благоустрояющей чрез свв. пророков. Да и в душах человеков, – о дивное чудо! – устроив богогласные песни, сия божественная невестоводительница поет громко величия Божии.

68. Почему ум наш не так скор на молитву, как на богословское созерцание: и сколь необходима молитва для преуспевания в таком созерцании

Ум наш большею частию мало расположен бывает к молитве по причине утеснения его и ограничения молитвен-

ную добродетелию; в богословствование же он охотнее вдается по причине простора и неограничения божественных созерцаний. Итак, чтоб не давать хода его свободному в себе разглагольствованию и не полагать его охоте безмерно предаваться выпренним парениям, будем упражняться наиболее в молитве, псалмопении и чтении Писаний, не презирая притом и толкования любомудрых мужей, коих словеса преисполнены истинным ведением веры. Действуя так, мы не только не дадим ему свои речения примешивать к благодатным словесам и не попустим ему, увлекаясь тщеславием, рассеиваться в парениях под действием самодовольства и словоохотливости; но и научимся сохранять его безмечтанным во время созерцания и все почти помышления его сделаем слезоточными. Упокоеваясь в себе в часы безмолвия, наипаче же упоеваясь сладостями молитвы, он не только делается свободным от указанных пред сим страстных движений, но и, паче обновляясь, силы восприимлет легко и беспротрудно пребывать в божественных созерцаниях, преуспевая вместе с тем и в зрячем рассуждении (практической мудрости) с великим смирением. Ведать впрочем подобает, что молитва выше всякой широты созерцаний; сама же она свойственна только тем, кои во всяком чувстве и извещении преисполнены святою благодатию.

69. Благодать вначале ощутительнейше действует на душу, а потом сокращает свое действие и даже совсем сокрывает. Как это благотворно для души

Благодать вначале обыкновенно озаряет душу своим светом с сильным того ощущением; а когда успехи в духовно-христианской жизни подвинутся вперед, тогда она большею частию неведомо для боголюбивой души свои совершает в ней таинства: чтобы после того (по умиротворении души) ввести нас в радовании на стезю божественных созерцаний, как будто бы мы только что призываемы были из неведения в ведение, посреди же подвигов (об умирении души от страстей) блюсти наш помысл не тщеславным. Подобает нам в меру быть ввергаемыми в печаль, как бы мы были оставлены благодатию, да паче смиримся и научимся покорствовать Господним о нас определениям, а потом благовременно входить в радость, благою окрыляясь надеждою: ибо как безмерная печаль вводит душу в нечаяние и безнадежие, так и чрезмерная радость приводит ее к самомнению и кичению. Говорю – о младенчествующих еще жизнью и разумом. Между пресвещением благодати и оставлением средина – искушение; а между печалию и радостью средина – надежда. Ибо говорится: *терпя потерпех Господа и внят ми*

(Пс. 39, 2), – и еще: *по множеству болезней моих, утешения Твоя возвеселиша душу мою* (Пс. 93, 19).

70. Коль душевредно многословие и благотворно молчание

Как двери в бане часто отворяемые скоро выпускают внутреннюю теплоту вовне: так и душа, когда много кто говорит, хотя бы говорил все хорешее, испускает память свою (сознательное стояние в строе духовных вещей) словесною дверью. От сего ум лишается наконец чистейших помышлений и по беспорядочному наплыву помыслов смятенную ведет речь к прилучившимся. В таком случае он не имеет уже Духа Святого, хранящего нашу мысль в немечтании: ибо сей Дух благий, как чуждый всякого мятежа и мечтания, бегают многословия. – Молчание же напротив благотворно, будучи матерью премудрых помышлений.

71. Как подобает боголюбивой душе управлять чувством правды

Само слово ведения научает нас, что вначале на боголюбивую душу (вступившую на путь богоугождения) многие толпою нападают страсти, особенно же гнев и ненависть. Подвергается же она сему не столько по действию злых духов, сколько по порядку преуспевания ее в духовной жизни.

Ибо пока душа мирским водится мудрованием, дотоле хотя и видит правду как-нибудь попираемую иными, равнодушною к тому остается: ибо занята будучи вся своими похотениями, о правде Божией не имеет попечения. Когда же она начнет быть выше своих страстей и похотей, тогда, и по отрешению от настоящих вещей и по любви к Богу, она не может уже равнодушно видеть даже во сне правду Божию оставляемую, но гневается и возмущается на злотворцев, пока не увидит этих самых оскорбителей правды защищающими ее достоинство по действию благочестивого помысла (пришедши в страх Божий и покаявшись). Таким образом она естественно неправедных ненавидит, а праведных крепко любит; потому что око души не бывает окрадаемо (увлекаемо на неправое воззрение), когда ее завеса, – тело, – бывает утончено крайним воздержанием. Впрочем гораздо лучше оплакивать нечувствие неправедных, чем ненавидеть их: ибо хотя они и достойны ненависти, но слово истины не одобряет, чтоб боголюбивая душа была возмущаема ненавистию, потому что, когда в душе ненависть, истинное ведение бездейственно.

72. Ум – богослов и ум – знатель

Ум богословский, самыми словесами Божиими услаждаемый в душе и палимый, достигает своих мер бесстрастия в достаточной широте. Ибо *словеса Господия*, как говорится, *словеса чиста, сребро разжжено, искушено земли* (Пс. 11,

7). А ум знательный, утверждаясь на испытании благодатных воздействий, бывает выше страстей. Вкушает и богослов опыта знательного, если смиреннейшие водворит в себе расположения, причащается и знатель в некоей мере созерцательной добродетели, если не погрешительною имеет рассудительную часть души. Ибо оба сии дарования не случается каждому стяжать в совершенстве; чтоб каждый из имеющих одно из них, дивясь тому, чем превосходит его другой, преуспевал в смиренномудрии с ревностию оправданной жизни. Почему Апостол и говорит: *овому Духом дается слово премудрости, иному же слово разума, о том же Дусе* (1 Кор. 12, 8).

73. О молитве гласной и в одном сердце творимой

Когда душа естественными своими изобилует плодами, тогда велегласнейше совершает и псалмопение свое, и бывает расположена молиться наипаче гласом. Когда же она воздействию бывает Духом Святым, тогда со всею отрадою и сладостию поет и молится в одном сердце. За первым настроением следует радость мечтательная (от самодовольства); а за вторым – слеза духовная, и потом радование некое безмолве любивое: ибо память, при удержании гласа, пребывая теплою, настраивает сердце производить слезотворные некие и в себя углубляющие помышления. В этом воистину

можно видеть семена молитвы, со слезами, радостно однако ж, сеемые на земле сердца в верной надежде обильной жатвы (Пс. 125, 5). Впрочем, когда бываем подавляемы большею печалию, тогда надо немного – громче совершать свое псалмопение, радостию надежды подавляя скорбные вопли души, пока это тяжелое облако печали не развеется ветром псаломской мелодии.

74. О естественном и благодатном Боголюбии

Когда душа придет в познание себя самой, тогда она и из себя самой износит теплоту некую и стыдение боголюбивое: ибо, не будучи возмущаема заботами житейскими, она любовь некую (к Богу) отраждает из себя в мире, соразмерно взыскав Бога мира; но это памятование (о Боге взыскомом) скоро рассеивается, или потому, что впечатления чувств окрадают сию память, или потому что естество по скудости своей скоро иждивает свое собственное добро. Почему эллинские мудрецы, чего хотели достигнуть чрез воздержание, того не имели как должно; потому что ум их не был воздействуем от вечной и всеистинной премудрости. Духом же Святым подаемая сердцу боголюбивая теплота, во первых, мирна вся и непрестающая; потом она все части души призывает к возлюблению Бога и вовне сердца не порывается, но сама собою всего человека обвеселяет любовию

некоею безмерною и радостью. Ее-то достигнуть и должны стараться те, которые познали ее. Ибо естественная любовь есть признак того, что естество некако здравствует чрез воздержание; но она не может возвести ума в бесстрастие, как делает любовь духовная (благодатная).

75. О светоносном воздействии на душу благодати, – и об омрачении ее под действием темных сил

Как окружающий нас воздух, когда дует северный ветер, бывает чист по причине тонкости некоей и освежающего действия сего ветра; а когда дует ветер южный, тогда он как бы сгущается по причине какого-то отяжеления его от сего ветра, из своих ему стран износящего и на всю вселенную наносящего некий сухой туман: так и душа, когда приемлет воздействие от веяний истинного и Святого Духа, тогда вся бывает вне бесовского омрачения; а когда сильнообвеивается духом прелести, тогда вся покрывается облаками греха. Итак, надлежит нам всегда свое стремление всеусильно обращать к очистительному и животворному веянию Духа Святого, т. е. к тому духу, которого пророк Иезекииль во свете ведения видел грядущим с Севера (1, 4): чтобы всегда чистою пребывала наипаче созерцательная часть души нашей, и мы сподоблялись нелестно входить в божественные видения, в воздухе света зря то, что во свете. Это и есть свет ис-

76. Как действует в душе Дух истины и дух прелести прежде крещения и по крещении

Некоторые придумали, будто благодать и грех, т. е. Дух истины и дух прелести, вместе укрываются в уме крещаемых: почему, говорят, одно лицо призывает ум к добру, а другое – к противоположному тому. Я же из Божественных Писаний и из самого чувства (опытно) ума постиг, что прежде крещения благодать совне направляет душу на добро, а сатана гнездится в самых глубинах ее, покушаясь преграждать уму все правые исходы; с того же часа, как возрождаемся в крещении, бес бывает вне, а благодать внутри. Почему и находим, что как древле господствовала над душою прелесть, так по крещении господствует над нею истина. Действует после сего и сатана на душу, как и прежде, а нередко даже горше того, но не как соприсуший благодати: да не будет! а дымя как бы пред умом чрез мокротность тела, приятностию бессловесных сластей. Бывает же сие по попущению Божию, чтоб человек достигал наслаждения добром не иначе, как проходя чрез бурю, огонь и искушение. Ибо говорится: *приидохом сквозе огонь и воду, и извел ны еси в покой* (Пс. 65, 12).

77. Образ действия благодати Божией в душе

Благодать, как я сказал, с самого того момента, как приемлем крещение, сокровенно начинает пребывать в самой глубине ума (духа), утаивая присутствие свое от самого чувства его. Когда же начнет кто любить Бога от всего произведения (сердца) своего; тогда она неизреченным неким словом беседует к душе чрез чувство ума, часть некую благ своих сообщая ей. Вследствие сего, кто восхощет навсегда крепко удержать в себе сие обретение, тот приходит к желанию отречься с великою радостью от всех настоящих благ, чтоб совсем приобрести то поле, на коем нашел он сокрытым сокровище жизни (Мф. 12, 44).

Ибо когда кто отречется от всего житейского богатства, тогда обретает в себе то место, в коем укрылась благодать Божия. За тем, по мере преуспевания души, и божественный дар (благодати) обнаруживает в уме свою благостыню (благотворность); но тогда же и бесам попускает Господь более беспокоить душу, чтобы и научить ее рассудительному различению добра и зла, и соделать смиреннейшею, по той причине, что, когда подвергается она таким искушениям, тогда великим покрывается стыдом от срамоты бесовских помыслов.

78. Чрез крещение Святы́й Дух вселяется в сердце, а дух злой извергается; но этим не вконец пресекаются покушения на грех

Мы по образу Божию есмы, умным (духовным) движением души; тело же как бы дом ее есть. Но так как преступлением Адамовым не только характеристические черты души осквернились, но и тело наше подпало тлению: то Всесвяты́й Бог Слово воплотился и, как Бог, чрез собственное Свое Крещение даровал нам воду спасения в возрождение: ибо мы возрождаемся в воде действием Святого и Животворящего Духа, вследствие чего тотчас очищаемся и по душе и по телу, если приступаем к Богу с полным расположением. При сем Дух Святы́й вселяется в нас, а грех (или отец греха) изгоняется Им, так как невозможно, чтобы при единстве и простоте – характеристических свойствах души, – в ней сопребывали два эти лица, как думали некие. К тому же, когда божественная благодать чрез Святое Крещение сочетавает себя в безмерной некоей любви с чертами образа Божия в залог подобия, где поместиться лицу лукавого, – так как нет никакого общения света со тьмою? (2 Кор. 6, 14). Итак мы, текущие путем священных подвигов, веруем, что *банею пакибытия* (Тим. 3, 5) сквернообразный змий извергается из

глубин ума; при всем том не удивимся, что и после крещения опять с добрыми помыслами испытываем и худые. Ибо баня освящения, хотя отъемлет скверну греха, но двойственности пожеланий наших не уничтожает, и бесам воевать против нас и обольстительные слова говорить к нам не возбраняет, чтоб чего не сохранили мы, в естественном оном находясь состоянии, то хранили силою Божиею, восприяв оружия правды.

79. Благодать действует чрез чувство ума, а сатана чрез плотские чувства и влечения

Сатана, как сказал я, Святым Крещением извергается из души; но ему попускается по указанным выше причинам действовать на нее чрез тело. Благодать Божия вселяется в самую глубину души, т. е. в ум. Ибо, как говорится, *вся слава дицере царевы внутрь*, невидимая для бесов (Пс. 44, 14). Почему, когда тепле воспоминаем о Боге, то чувствуем, что Божественная любовь как бы потоком исторгается из самой глубины сердца нашего; духи же злые на чувства телесные нападают и в них гнездятся, удобно действуя чрез подручную им плоть, на тех, кои младенчают еще душою. Таким образом ум наш, по божественному Апостолу, всегда соуслаждается закону Духа; чувства же плотские охотно увлекаются сластолюбивыми склонностями (Рим. 7, 18). От того в тех, кои ревностно преуспевают в ведении, благодать чрез чув-

ства ума и самое тело обвеселяет радованием неизреченным; когда же нерадиво и беспечно течем путем благочестия, то бесы, находя нас такими, пленяют душу нашу чрез чувства телесные, насильственно влеча ее к тому, чего она не хочет, убийцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.